
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Ирина Хаустова
(г. Королев Московской обл.)

ЛОМОНОСОВА — ЧЕТЫРЕ

Хаустова Ирина Андреевна. Семинар прозы — руководитель Алексей Николаевич Варламов. Я живу в городе Королеве Московской области. Незабываемое детство прошло среди живописной природы расположенного вдоль двух берегов реки Оки города Алексина Тульской области. Отец мой в юности писал стихи, чем очаровал мою маму. Поэтический дар этот в какой-то степени передался и мне. Первое стихотворение было написано мною в девять лет, под цветущей яблоней недавно купленного частного дома. С детства я мечтала стать писательницей. Первые стихи посвящены Родине и родной природе — роднику около дома, березовой роще, подснежникам, любимому месяцу — маю. После окончания школы писала стихи о вере, о родине, о любви.

В семнадцать лет растерялась, и не знала, куда мне пойти учиться. За меня в то время решили родители. Но поступить в Бауманский институт в Москве мне после школы сразу не удалось, и я решила учиться в Алексинском техникуме. По его окончании меня взяли на второй курс МИСИ — Московский институт экономики, статистики, информатики, который я закончила в 2000 году. Работала по специальности, пока не решила переехать в Москву. Там познакомилась со своим будущим мужем, вышла замуж, родилась дочка. Во время беременности писала небольшие рассказы, стихи.

В тот год (2006) в Литературном институте творческий конкурс уже закончился, я едва успела сдать свою подборку. Как же я обрадовалась, когда узнала, что поступила! Литературный институт с его атмосферой, с его студентами и преподавателями занял важное место в жизни. В перерывах между сессиями я работала журналисткой, внештатным корреспондентом нескольких газет: «Неделя в Подлипках», «Большевские вести», работала на радио. В этом году перешла на пятый курс Литинститута. Сейчас собираю материал о ВОВ, мечтаю написать книгу о своем деде-фронтовике. Надеюсь, что эта мечта сбудется, потому что это будет лучшая память о нем.

Наверное, в каждом городе существует улица в честь замечательного русского ученого — М. Л. Ломоносова. Такая улица есть и в центре нашего провинциального городка с благозвучным названием — Алексин. Не в таком центре — с большими перекрестками дорог, шумными улицами, полными прохожих. Здесь всего лишь одна главная дорога, по которой изредка проезжают машины. Небольшие деревянные дома стоят рядком на тихой улице. Длинное серое здание, построенное еще при Екатерине II, служившее в то время тюрьмой, мало чем и сейчас от нее отличается. Это здание, с железными решетками на окнах, долгое время содержащее в себе столько заключенных, было теперь заброшено. Здесь и начиналась улица Ломоносова, на которой нам и посчастливилось купить дом в 1989 году...

Тогда наш отец только вернулся с Севера, заработав за два года пять тысяч рублей. Он не положил их на книжку, как посоветовала мама, а решил купить участок земли с домом. В то время по закону семья могла иметь только одну частную собственность. Квартира, в которой мы все были прописаны, у нас уже была. Закон того времени предполагал два выхода: родителям нужно было развестись или кому-то из них выписаться из квартиры. Отец выбрал второе и выписался сам. Он очень долго искал частный дом, но все что-то не нравилось. Наконец, ему приглянулся один участок с большим вишневым и яблоневым садом, с покосившимся от старости домиком. Но дом папу не смутил — главное земли было пятнадцать соток. Вот уж где можно и сарайчик построить и баньку срубить, сделать теплицу — все, как и мечтал с детства, свое хозяйство. Наконец-то в этом городе будет свой частный дом. Папа родился в Сибирской деревне. Там прошло все его детство. А потом... пятеро детей выросли и все разъехались по стране. А он за десять лет городской жизни так и не привык к городу.

Усадьба произвела на нас потрясающее впечатление. Большой деревянный дом был поделен на два хозяина. В нем была русская печь, занимающая половину кухни, мы с братом спали на ней, а мама выпекала в ней хлеб. Во второй половине жила семья Щербаковых — Вера, Иван, дед Константин и глухонемая бабка Варвара. Несмотря на то, что дом был общим, с соседями у нас ничего общего не было. В доме нас разделяла толстая стенка, участки земли были огорожены высоким забором. Только двор был один — чтобы попасть на свою половину дома, нужно было проходить мимо соседей. Им совсем это не нравилось, но они ничего не могли поделать, половину дома продали нам другие соседи — Гришины. Раньше здесь жил дед Владимир — отец этих двух семей. Лет десять назад была одна большая усадьба, потом у детей появились свои семьи. Дочери построили отдельный дом, а сын остался во второй половине. Землю разделили.

Но все же в купленной нами половине дома было страшно жить. Мы с опаской смотрели на гнилые и трухлявые места нашего нового жилища. Сколько поколений Щербаковых прожили здесь? К тому же заманчиво было построить новый дом, отдельный от соседей. Тем более, что они дня не могли прожить без ссор, и даже толстая стенка не спасала от их ужасного шума. Мало того, что в квартире у нас тонкие стены, так еще и здесь слушать чужие семейные проблемы.

Первая весна была незабываемой. Всей семьей мы с радостью взяли за наш участок. Купили в питомнике молодые саженцы яблонь, ежевики, вишни. Папа построил две теплицы, в одной мы с мамой посадили огурцы, а в другой — стеклянной и просторной — помидоры. Первое лето было яблочным. К тому же поспели груши, вишня и слива, черная и ранняя красная смородина. Мы блаженствовали...

В августе к нам приезжали гости — двоюродные братья и сестра. В квартиру мы приходили теперь редко, все лето жили в доме. Однажды мы остались с сестрой ночевать в доме вдвоем. Сестра была младше меня на два месяца — нам в то время было по десять лет. Спать не хотелось, при выключенном свете мы рассказывали друг

другу разные страшные истории. Вдруг форточку кто-то открыл, мы испугались, а особенно сестра. Она мне сказала шепотом: «Лежи и не шевелись, как будто нас здесь нет. Это, наверное, маньяк». Потом послышались какие-то странные необычные звуки. Я все никак не могла понять — что это такое. Несмотря на уговоры сестры, я все-таки встала и включила свет. «Маньяком» оказался соседский серый кот. Он залез в форточку и жадно лакал молоко из железной кружки. Кот был мною тут же выброшен за хвост обратно. Он еще много лет пакостил нам — он очень любил наши молодые огурчики с грядки. Причем так, что мы совсем не могли собрать урожай, кот почти все съедал, оставляя после себя только одни огрызки. Мне было до слез обидно — с такой заботой мы с мамой сажали огурцы и ухаживали за ними. У меня сложилось даже убеждение, что соседи своего кота специально не кормили. Долго я мечтала схватить его за хвост, как в тот раз, но старый кот был хитер и ни разу не попался. Лишь однажды зимой он голодный подошел к нам совсем близко. Мы его тогда пожалели и отпустили.

Время шло. Каждое лето мы жили в доме. У нас появилось свое хозяйство — кова, поросята, куры. Папа построил для них сарайчик, на втором этаже которого находился сеновал. Теперь мы почти все время проводили на сеновале — днем играли, а ночью спали в душистом мягком сене. Иногда мы с братом, тайком от взрослых, разглядывали черно-белые фотографии обнаженных женщин, которые отец прятал в сене от мамы.

Однажды я познакомилась с одной соседской девочкой, которая стала моей лучшей подружкой детства. У нее было красивое имя — Лия, но все звали ее Лиля. У нее были светлые вьющиеся волосы, задумчивые серо-голубые глаза. Она была младше меня на два года. Познакомились мы необычно. Когда я однажды в июле залезла на дерево, собирая с него поспевшие груши, то сверху увидела, как по нашему участку важно ходят чужие куры. «Ну, сейчас мы посмотрим, кто здесь хозяин» — подумала я, слезая с дерева и направляясь к курам. Но они меня нисколько не испугались. Даже тогда, когда я взяла в руки большую палку. Почему-то направились не к своему дому, а забежали в большую клетку, в которой мы держали своих кур. Там они принялись клевать зерно, а я незаметно закрыла клетку. Когда они, наконец, наелись, я все же принялась выгонять их из клетки. Но это сделать было нелегко, так как курам у нас понравилось, и они никуда не собирались уходить. За этим занятием и застала меня соседская девочка Лиля. Я еще тогда подумала: «Хорошо, что она не пришла раньше, когда я закрыла кур в клетке и обдумывала, что с ними делать дальше».

Теперь мы в свободное время играли вместе с Лилей, ходили в гости, но не домой — там летом было неинтересно, а на огороды. Весной помогали друг другу сажать грядки. Родители отдали мне лучшую часть нашего участка — это была только моя земля, здесь я была хозяйкой, решала, что и где нужно посадить, и все делала сама — я считала себя жутко хозяйственной и дальновидной. У Лили тоже был свой участочек. Там было мило и уютно, аккуратно и чистенько — целый сказочный мир для ребенка, где он был главным героем и хозяином одновременно. С глубоким сочувствием я теперь смотрела на детей нашего микрорайона, которые играли у вечно скрипучих, никому не нужных качелей, и мне до слез было их жалко. Пятиэтажные дома нашего района, где и у нас была квартира, напоминали скорее бараки. Строились они наспех, как признался потом отец, работавший на всех этих стройках: «Лишь бы быстрее сдать дом и заселить в него людей нового микрорайона — Шахтерский». Поэтому многие дома были совсем без балконов и детские площадки перед домом были в запустении. Да и детскими площадками нельзя было их назвать: вид их был жалок. Единственным интересным местом для игр детворы нашего двора была заброшенная стройка, где дети подолгу играли между торчащих столбов разваленного фундамента. Я приносила домой оттуда разные разноцветные таблетки, которые

папа безжалостно к моим слезным просьбам: «поиграть с ними и в рот не засовывать», смывал в туалете. Наши с братом игры на стройке закончились после того, как брат наткнулся на торчащий из земли острый штырь, и лоб его, до этого не попадавший ни в какие передраги, пришлось зашивать в больнице.

Но с покупкой дома у нас началось совсем другое детство, полное радостных открытий и секретов. Перекапывая каждый год землю, мы находили то лошадиные подковы, то старинные монеты, а один раз даже выкопали немецкую каску, которую потом отнесли в местный краеведческий музей. Соседнее с нами огромное здание занимала строительная организация, у входа которой висела табличка «Здесь во время Великой Отечественной войны находился штаб». Мы, заглядывая в окна этого здания, и, обнаруживая там разные мешки, уверяли друг друга: «Это правда штаб, а в мешках — продовольствие, запасы еды, которыми запаслись во время войны». С братом мы были очень дружны, и начали ссориться только тогда, когда ко мне в гости из соседнего дома приезжал на велосипеде сопливый мальчишка. Брат очень ревновал и обижался, и в этой его надутости было много милого и смешного. С Лилей у нас были свои секреты — «женские». Она была той редкой подругой, которая могла понять меня с полуслова. И у нас было с ней много общего, того, что потом запомнилось нам на всю жизнь — нежных розоватых закатов, когда солнце угасало над Окой; покрытых сочной зеленой травой и земляникой высоких холмов, по которым мы весело бежали купаться к реке, вечерних рыбалок с родителями у озера и необъяснимой любви к своему участочку земли, согретому теплотой и заботой детских рук.

Однажды, когда я пришла к Лиле в гости, то нечаянно столкнулась с лопухим, темноволосяным мальчиком. Мне он вначале не очень понравился.

«Это мой двоюродный брат из Калуги — Сережа». Сергей еще много раз приезжал летом. Вчетвером мы играли в казаки-разбойники все на том же сеновале — мы с подругой и наши братья. Потом мы мечтали породниться — Лилия намекала мне на своего брата, а я в свою очередь, рассказывала о своем. На что она притворялась обиженной, застенчиво улыбаясь. Лилия была единственным ребенком в семье. Все ее безумно любили, а особенно ее папа. По ее словам, он не раз говорил: «Не представляю даже, как переживу то время, когда женихи начнут обивать пороги нашего дома. Буду караулить тебя с ружьем». На что я осторожно спрашивала у нее: «А что если это будет мой брат?»

Наша семья с приобретением дома почувствовала, наконец, то счастливое состояние, когда все мы считали себя собственниками своего дома, а не жителями квартирной конуры. Но это семейное прочное счастье омрачили первые судебные тяжбы с Щербаковыми. Наша половина дома, в которой с тех самых пор, как дети отделились от деда, много лет не было ремонта, уже находилась в аварийном состоянии — в нем невозможно было жить. Мы боялись, что может обвалиться крыша. Соседи не давали своего согласия на то, чтобы мы разломали свою половину и построили новый дом, аргументируя это тем, что мы сильно преувеличиваем, и дом вполне пригоден для жилья. Прошло уже несколько судов, но решение было на стороне соседей. Родители точно знали — почему. Щербаковы — коренные жители города, а мои родители — приезжие. У соседей здесь везде одни знакомые и родственники — и в милиции, и в суде. Три года мы судились, истратили много денег, душевного и физического здоровья.

Однажды вечером отец возвращался домой. Неожиданно кто-то из-за угла дома ударил его по голове так, что папа потерял сознание. Мы догадывались — кто это мог быть. После этого случая за наше дело взялась известный адвокат — Мартусова Н. И., и мы выиграли дело. Это была первая победа. В конце ноября у «соседей съехала крыша» — папа разломал нашу половину дома, и соседи остались в начавшиеся ноябрьские морозы с разломанной крышей. После этого случая они еще больше невзлюбили нас, стараясь при удобном случае чем-нибудь навредить. Один раз

они отходили палкой нашу корову, возвращающуюся домой. Мы это сами не видели, но увидели Гришины и рассказали нам. Гришины с Щербаковыми не очень-то дружили, хотя и были родственниками. Корову мы после этого три дня искали по всему городу, заходя в каждый двор и овраг. Папа чудом ее отыскал, а через несколько дней продал. Мама со слезами на глазах умоляла не продавать корову, говоря нам с братом: «Дети, просите отца, чтобы он корову не продавал». Но он не изменил своего решения, боялся, что она снова уйдет из дома. Она была нашей главной кормилицей — иногда летом в день она давала по 18 литров молока. Поэтому мы так и переживали за нее. После этого мы нашли в своем огороде изрезанную буханку хлеба — как нам показалось предмет соседского колдовства.

Неприятнее всего было проходить мимо Щербаковых через общий двор. Соседи жаловались маме, что мы вытоптали у них все цветы. Цветы мы с братом никогда не трогали: «Причем здесь они», правда любили доводить глухонемую бабку Варварку. Но, как нам казалось, она заслуживала этого, так как была злой и все время чем-то недовольной.

Начались новые суды. На этот раз из-за подъезда к дому. Папа весной начал строить новый дом, нужно было завозить песок, щебень, материал для строительства. Подъехать к нашему дому было невозможно. На суде, показывая план дома, соседи доказывали, что подъезда к дому здесь вообще никогда не было. На самом деле, когда еще был жив дед Владимир, Щербаковы забрали себе землю, которая была как раз для подъезда, и переделали план участка. Еще четыре года мы судились из-за этого. Вечерами папа уже остерегался выходить из дома, да и мы тоже.

Без коровы мы часто голодали, иногда зимой у нас даже не было хлеба. Хозяйство все перевели, без подъезда к участку содержать его было трудно. Мы не могли привезти сено и корм. Строительство дома, бесконечные суды отнимали много денег и сил. Один раз весной отец на последние деньги завез песок на дом. После этого мать подала на развод. Папа разводиться не хотел и в суд не пришел. Но их все равно развели. Меня положили в больницу с язвой желудка, так сильно я за них переживала. Родители потом много раз расходились, сходились, а язва у меня так и осталась на всю жизнь...

Мы кое-как перебивались с зарплаты до зарплаты. Мама долго работала на картонной фабрике, чтобы как-то прокормить семью. Она шила коробки целый день с перерывом на обед в пятнадцать минут. За этот каторжный труд в то время платили двести рублей. Папа получал не больше ста рублей, постоянно меняя работу, нигде долго не задерживаясь. Мы с братом тоже подрабатывали летом и осенью, выкапывали с огорода хрен и продавали на рынке. Один раз я вдруг увидела, что к нашему прилавку направляется моя учительница физики. Я спряталась за брата, мне было тогда так неловко...

С Гришиными мы особенно не дружили, но и не враждовали. Иногда даже ходили к ним в гости. Семья у них была большой: дед Петр, бабка Инна, муж с женой Элей и Виктор, дочка Света семи лет, которая частенько залезала к нам в огород за клубникой. Баба Инна работала в рыбнадзоре, она была очень трудолюбива — почти весь огород был в ее ведении. Дед Петр любил иногда выпить, от этого он становился совсем смешным и непредсказуемым, выходил в сад и начинал кричать что-то непонятное, доставляя нам с братом огромное удовольствие этим зрелищем. Не считая этого, семья Гришиных казалась нам вполне благополучной.

С годами дед становился все дурнее и совсем спился. Умер он от пьянства. Баба Инна долго горевала о своем муже. Старалась отвлечься домашним хозяйством. На работу она теперь не ходила — два года как заслужила пенсию. Дел у нее хватало по дому, часто она занималась с внучкой, которая уже перешла в третий класс. Родители ее были заняты своей личной жизнью, муж ушел в другую семью. Эля нача-

ла пить, а через некоторое время привела в дом нового мужика. Он был на десять лет ее моложе, но в свои двадцать пять он выглядел намного старше ее, лицо у него было спившееся.

Часто из соседского дома раздавались голоса подвыпивших гуляк. Они и нас звали к себе в гости, но мы к ним давно перестали ходить. Через несколько месяцев Эля родила. Дочку назвали Олесей. Мы так точно и не знали, от кого соседка родила этого ребенка. Не так давно ушел первый муж, часто приходил второй, которого мы прозвали «пассажиром», и еще бывали у нашей соседки много разных мужчин. Причем все нагло проходили через наш огород, так как им не хотелось обходить нашу усадьбу внизу по болоту.

За Олесей ухаживала бабка. Родителям девочка была не нужна. Они все больше пили и нигде не работали. Часто били бабу Инну и отнимали у нее пенсию, пропивая ее. Чтобы как-то прокормить себя и внушек, баба Инна устроилась подрабатывать уборщицей в магазине. Эля с мужиками теперь часто промышляла на свалке, которую за все эти годы жители устроили вначале улицы Ломоносова, где проходила тропинка к нашему дому мимо мрачного здания бывшей тюрьмы. Однажды кто-то высыпал свой мусор на эту тропинку. И после этого началось... Жители перестали нанимать машину для вывоза мусора, жалко было на это двадцати рублей, а носили его ежедневно сюда, образуя горы свалки. Мы не раз нанимали технику, убирали мусор, ставили контейнеры. Но это помогало не надолго. Это неприятное зрелище все больше нас раздражало.

Олесе исполнилось три года. Она всегда прибегала ко мне, когда я работала на участке. Просила хлебушка, чего-нибудь поесть. Мне было так жалко этого страдающего голодного ребенка. И я думала тогда, если бы я была взрослой, и у меня была бы своя семья, я бы забрала Олесю к себе. Я ее очень любила.

А она, наблюдая за мной, живо интересовалась, что это я делаю в земле. Я ее многому научила, и она помогала мне сажать морковь и зелень. Соседский огород был почти весь заброшен, одной бабе Инне уже трудно было его обрабатывать, постарела она очень. К тому же в такой компании она тоже начала спиваться.

Во всей этой ужасной обстановке Эля родила третью дочку — Катю. Она на время опомнилась от пьянки и своей распутной жизни, начала заниматься детьми. Когда Катюша подросла, мать даже устроилась на работу. Но это было ненадолго. Скоро пьяные голоса из соседнего дома стали привычными, и все продолжалось по-старому. Соседи в наше отсутствие часто выходили на промысел в наш огород. Последней каплей было то, что несколько мешков выкопанной моркови утащили прямо из сеней нашего дома. После этого я сказала родителям: «Все, больше я здесь ничего сажать не буду».

А зима в тот год была морозной. Как-то вечером баба Инна возвращалась домой пьяной и упала в снежный сугроб. Гришины прошли мимо, не занесли мать домой. К утру она замерзла. А на следующий день соседский дом сгорел, ничего от него не осталось. Мы в это время были все в квартире, позвонила и рассказала мне обо всем этом подруга Лиля. Мама тогда заметила: «Есть на свете Бог и он все видит. Это им за то, что они мать бросили. Отобрали пенсию, она им стала не нужна». После этого девочек забрали в детский дом. А Эля пришла к нашему папе с просьбой: «Возьми меня в жены, у меня дом сгорел...»

Была у нас еще одна соседка, заслуживающая особого внимания. Ее дом находился от нашей усадьбы через участок. Соседку звали Татьяной, мужа — Александром, были у них двое деток: Алексей — на год постарше меня и шестилетняя Настя. С ними жила бабка Валя, мать Татьяны. Мы редко встречались с соседями, пока они не завели коз.

Наш участок земли расположен так, что в дождливое время внизу огорода скап-

ливается много влаги. Здесь мы всегда сажали капусту — когда она вырастала — ею можно было гордиться. Часто мы стали замечать, приходя из квартиры на участок, что соседские козы нагло жуют нашу великолепную капусту. Благодаря нашей с братом фантазии можно было легко проучить их, чтобы они забыли сюда дорогу. Но, завидев нас, бабка Валя начинала кричать козам: «А ну выходите отсюда, куда залезли, окаянные». Однажды мы наблюдали, как бабка, не заметив нас, спокойно пасла своих коз на нашем огороде. А соседка Татьяна всегда удивляла нас своей необычной жизненной смекалкой. Зная о разводе наших родителей, она как-то сказала папе: «Давай я своего мужика выгоню, а ты ко мне приходи жить» Папа тут же смекнул, что соседке сейчас нужно строить дом, поэтому и зовет к себе. На это он ответил: «Приходи ты в мой дом — и живи». Соседка не пришла, конечно. Но на наш участок она летом заходила часто — то коз пасти нужно, а иногда, пока нас нет на огороде, яблоки собрать, смородину, вишню. Хозяйственная такая тетка была.

В студенческие годы заканчивая институт, я искала работу по своей специальности. Это было совсем не просто сделать в маленьком провинциальном городке. Тогда я обратилась на биржу труда. Там я увидела объявление о том, что обществу с ограниченной ответственностью «Ветеран» требуется бухгалтер. Меня встретил пожилой мужчина, модно одетый, с седыми короткостриженными волосами. Впечатление он производил не очень приятное, какое-то слащавое. Это и был начальник — Петр Петрович. Я осталась работать в этом обществе, так как мне перед дипломом нужна была практика. Каждый месяц он мне платил все меньше, а обязанности прибавлял. Все знали его как самого жадного в городе работодателя. Однажды, когда я сдала уже всю отчетность в налоговую инспекцию, оставалось составить один баланс, он мне сказал: «Баланс можешь не делать, сейчас придет главный бухгалтер». Я удивленно посмотрела на него: «Разве у нас есть главный бухгалтер, что-то я ее ни разу не видела, думала я тут главная?» Через час пришла главная бухгалтер. Я была поражена. Это была наша соседка по дому — Татьяна...

Петр Петрович не раз хотел снизить Татьяне зарплату. Но это у него не получалось, он встречал самые серьезные возражения. Сколько я испытала удовольствия от этого поединка — между жадным Петровичем и нашей соседкой, которая мимо чужого добра никогда не пройдет, не то что упустит свое. Часто она намекала Петровичу «Кто у нас тут самый жадный?» А он жаловался мне: «Представляешь, и у меня получает зарплату, еще в двух организациях и все мало».

Одно время Татьяна меня очень усердно сватала за своего сына. Наверное, хотела, чтобы я работала в ее огороде...

Через несколько лет мы достроили дом и гараж рядом с домом. Подъезд у соседей мы отсудили, благодаря терпению родителей и стараниям все той же Мартусовой. Всего на строительство дома ушло десять лет, а на суды с Щербаковыми — семь. Суд принял решение о необходимости строительства дороги к нашему дому и обязал Щербаковых вернуть нам землю, ранее принадлежащую прежнему хозяину, там, где по старому плану и был подъезд. На этом участке находился молодой вишневый сад, с которого летом можно было собрать неплохой урожай вишни. Перед тем, как отдать нам эту землю, соседи целый день рубили деревья. Я не могла смотреть на то, как безжалостно падали на землю цветущие вишни.

Дорогу мы сделали за год. В доме подключили свет, отопление, выложили печку. Наконец-то в доме можно было жить. Теперь, когда родители ссорились, мама отправляла отца жить на «Ломоносова четыре», при этом напоминая папе, что в квартире он не прописан. Однажды отец пришел домой поддатый и заявил, что он теперь останется жить в квартире, а если маму что-то не устраивает, пусть она сама и уходит на дом. Мама собралась и ушла. Она все перестирала, навела в доме порядок. Там

стало уютнее, чем в квартире, все же это частный дом. Через неделю, доведя квартиру до состояния полного срача, туда заявился наш папочка со словами: «Ах, как ты здесь устроилась! Я тоже здесь могу жить. Иди в свою квартиру». Но потом родители снова помирились.

Прошло пять лет. У нас с братом теперь свои семьи, свои дети. Брат живет в Москве. Иногда приезжаем на родину к родителям. Они все также ссорятся, мирятся, папа больше трех месяцев не работает на одной работе. Когда он увольняется, то оказывается снова на Ломоносова четыре. Там нужно топить печку, самому готовить еду и где-то брать деньги. Он это ясно начинает понимать на третий день и снова приходит к маме. И все начинается сначала.

Эля объявилась: хотела продать свой сгоревший дом и участок. Но все документы сгорели при пожаре. Поэтому этот страшный сгоревший дом до сих стоит, никому не нужный.

С подружкой Лилей мы встретились, обнялись. Я ее совсем не узнала. Она поправилась, превратилась в красивую 25-летнюю девушку. Но замуж пока так и не вышла, наверное, вспоминая папу с ружьем. С годами она расцветала как нежная лилия. Брат мой это тоже заметил: «Хоть бы ты позвала подружку в гости». Я ее часто звала к нам, но она все стеснялась. Так брат оставил свою надежду и женился на другой девушке. У них родился сын.

Щербаковы сейчас стараются не попадаться нам на глаза. Разных неприятностей и неприкрытой зависти с их стороны больше мы не замечали. Да и чему завидовать? Огород весь зарос, никто его не сажает. Яблони состарились, папа многие спилил из них. А молодые никто и не посадил. Грушу, на которую я все залезала в детстве, пришлось спилить когда строили дом,— она мешала крыше. Не хватает на доме хозяйской руки — мама работает на двух работах, папа уже устал за все эти годы. Жили бы дети рядом, была бы помощь.

Соседку Татьяну теперь уже не встретишь — застрелил ее любовник прошлым летом. Так бывает, когда люди слишком много хотят получить от жизни для себя.

Большой участок земли, занятый помойкой, наконец — то купили москвичи. Убрали мусор, огородили участок огромным забором и за год построили двухэтажный дом.

Вот так и получается: нет сейчас помойки возле дома, нет соседки Татьяны, погоревших соседей-бомжей, старого облезлого кота, есть подъезд. Можно было бы теперь и посадить огород, да не кому. Дети выросли и кончилось детство.

Муж часто спрашивает у меня: «Как там можно жить при зарплате в три тысячи?» Живут люди, «крутятся». Сажают свои участки земли. Жаль только, что наш участок пустует. Но может быть, и он дождетя, когда заботливые руки снова бережно прикоснутся к земле.

